

УДК 81.37; 81.373.612.2; 81.255.4

М.В. Кутьева
Marina V. Kutieva**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОРНИТОНИМОВ В МЕТАФОРИКЕ РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУР***SEMANTIC AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF ORNITHONIMS
IN METAPHORICS OF RUSSIAN AND SPANISH LINGUOCULTURES***Аннотация**

Статья посвящена анализу переносных значений лексики, номинирующей птиц, в сравнительном аспекте на материале русского и испанского языков. Рассматривается прагматика фигуральных употреблений орнитонимов в обиходной разговорной речи. Орнитонимы развивают в основном антропоцентричные переносные значения, направленные на характеристику внешнего облика, рода занятий и поведения человека. Образность орнитонимических номинантов воплощает в себе своеобразие национального характера и мироощущения. Хотя вторичная семантика проявляет немало сходств в двух лингвокультурах, даже общее и универсальное таит в себе коннотативные оттенки и нюансы.

Ключевые слова: семантика, метафора, коннотация, переносное значение.

Abstract

The article offers a comparative approach to the analysis of figurative meanings of birds' denominations in Russian and Spanish languages; the pragmatics of their figurative usage in everyday conversational speech is examined. Ornithonims develop

basically anthropocentric figurative meanings aimed at the characteristics of human physiognomy, occupation and behavior. Figurativeness of birds' denominations embodies the uniqueness of national character and mentality. Although the secondary semantics manifests numerous similarities in two linguocultures, even the general and universal hold connotative shades of meaning and nuances.

Key words: semantics, metaphor, connotation, figurative meaning.

«Духовное присвоение действительности» [3, с. 38] происходит под воздействием родного языка: мы можем мыслить о мире только в денотатах и выражениях своего языка, пользуясь его концептуальной сеткой, оставаясь в своем «языковом круге». Разные языковые коллективы, «пользуясь различными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур...» [там же]. Языковая картина мира задает шаблон восприятия и интерпретации всей поступающей извне информации.

Среди предметов обсуждений немало невидимых и неосязаемых категорий, которые требуется каким-то образом воплотить в картинку, визуализи-

ровать, довести до сведения собеседника. Для этого необходимой становится какая-то метафорическая параллель с миром материальным. Вспоминая или думая о чем-то высоком, человек смотрит в небо; а в небе и на ветках деревьев он видит птиц. Метафора 'птица-свобода', 'птицы-люди' 'птицы – чьи-то души' является столь же всеобъемлющей всепроникающей, как, например, 'дерево-жизнь' и 'деревья-люди' [2]. К слову вспоминается есенинский клён и есенинский риторический вопрос: «А люди, разве не цветы?» В качестве иллюстрации суждения о том, что мы дышим воздухом природных метафор, приведем стихотворение Александра Городницкого «Певчие птицы», ценность которого заключается в том, что каждая строчка имеет подтекст или удвоенную семантику, не сложную для восприятия носителям иностранных языков в связи с тем, что оно защищает общечеловеческие гуманитарные ценности:

*Монументальна осанка орла литая,
Крылья могучие, клюв его медно-острый.
Певчие птицы невысоко летают
И не кичатся перьев окраской пёстрой.
Клин журавлиный за облаками тает.
Туча воронья кружит над часовней старой.
Певчие птицы сливаться не могут в стаи,-
Так и живут одинокой семейной парой.
Дятел-стукач по деревьям стучит упорно,
Филин-трудога проводит всю ночь в охоте.
Певчие птицы петь не умеют долго,-
И обрывают песню на полуноте.
Дружно пингвины толпятся на льдине голой,
Чайки кричат, презирая шторма и грозы.
Певчие птицы с трудом переносят холод
И умирают от голода и мороза.
Так для чего же он нужен, их век недлинный,
В мире недобром, что Господом создан в гневе?»*

Слышишь, как в парке сварливо

кричат павлины?

Слышишь, как клетот орлиный рокошет в небе?

Если подмеченное языковой личностью сходство между поведением или внешним обликом птицы и человека выразительно и универсально в смысловом отношении, то его можно назвать метафорической моделью или метафорический проекцией, у которой есть шанс закрепиться в узусе и кодифицироваться в словаре. Выражая незримые сущности через зримые данности, этнос постепенно окружает себя призраками именно таких, а не иных представителей фауны, флоры и бытийно-предметного континуума. Вербальная духовная жизнь народа будет протекать в нитях разнообразных ассоциаций, порождаемых этими привычными и общепризнанными в данной лингвокультуре номинантами. Самобытности их образности носители языка обычно не ощущают, утверждая в ответ на расспросы, что объяснить тут нечего, что за человек такой журавль, колибри, петух или кондор, ведь тут и так всё ясно. Впоследствии слова-метафоры обростут морфологическими дериватами и зададут шаблон восприятия, трактовки и оязыковления новых понятий, явлений, субъектов, функционируя на основе собственных лексических закономерностей и порождая уникальные идиоматические смыслы. Ведь форма срастается с содержанием и может влиять на саму суть, подобно тому, как маска рискует срастись с лицом, понемногу становясь им. Русские живут среди соседей - глупых, как куры или как дятлы, долговязых, как журавли, женятся на женщинах, безответственных по отно-

шению к детям, как кукушки. *Куры* в испанской лингвокультуре трусливые, а не глупые; *гуси* – неотесанные и невоспитанные, а не люди «себе на уме». *Журавли* летят как бандитская шайка, а не как солдатский строй, и красиво танцуют, а не ступают неуклюже, как будто бы на костылях. *Кукушки/cuculillo* – не бессовестные матери, а обманутые отцы и мужья, избавляющиеся от неизвестно чьих детей: в испанском языке *ciso (cuculillo)* – слово муж-

ского рода. Нелюдимыми дикарями, буками и бирюками слывут *страусы/avestruces*, а не *сычи*.

В таблице, помещенной ниже, отобраны названия птиц, проявляющие активность в сфере переносной семантики, отражающей национальную мировоззренческую специфику вербального мышления народа. Дефиниции испаноязычных словарей даны в нашем переводе – М.К.

Таблица № 1

Переносные значения семантически наиболее ёмких и семантически контрастирующих орнитонимов по материалам словарей

№	Орнитоним	Переносное значение в русском языке	Переносное значение в испанском языке
1.	Голубь (голубка) Paloma Palomo	Голубка – ласковое обращение к женщине (Ушаков, I, с. 107)	1) Кроткий (добродушный) человек (Лярус, с. 524); 2) Ч. Старинный народный танец с платками (Фирсова, с. 455); 3) Гонд., Куба, М. бумажный змей-ромб (там же); 4) Куба, М. новичок, простачок в азартных играх (там же); 5) Л. Ам. пенис (там же)
		Голубчик – ласковое обращение к мужчине (Ожегов, с. 264)	1) Интриган, ловкий политикан (Нарумов, с. 354); 2) Л. Ам. лошадь белой масти (Фирсова, с. 456); 3) П.-Р. человек в белом (там же); 4) Ур. Презрительное наименование членов партии Бланко (Белые) (там же).
2.	Грач Grajo	1) Признак наступления весны (Ушаков I, с. 114); 2) бомба, когда она летит (Даль, I, с. 391)	1) Болтун; пустомеля (DRAE) 2) шарлатан (Кельин, с. 453); 3) запах пота подмышками (DRAE); 4) Л. Ам. таракан (Фирсова, с. 163).

3.	Гусь Ganso	1) Дурак; 2) хитрец, себе на уме; 3) гусь лапчатый - человек себе на уме (Даль, I, с. 410)	1) Дурак, олух, пентюх (Садилов, с. 373); 2) лентяй, бездельник [5, с. 374]; 3) плохо воспитанный, грубый (DRAE); 4) <i>Арг., Пар., Ч.</i> лебедь (Фирсова, с.335)
4.	Ж у р а в л ь Grulla	1) Колодец (Даль, т. I, с. 547); 2) длинный шест у колодца - рычаг для набора воды (Ожегов, с. 190)	1) <i>Разг.</i> Женщина лёгкого поведения, кокотка (Садилов, с. 399); 2) <i>воен. ист.</i> таран (Садилов, с. 399)
5.	Кукушка Cuclillo, Cuso	1) Зловещий человек (Даль, т. II, с. 214); 2) беззаботная мать, покидающая детей (Даль, т. II, с. 214); 3) пустое, глупое, неуместное слово на ветер, болтовня (Даль, т. II, с.214)	1) Симпатичный, миленький (Лярус, с. 293); 2) хитрый, изворотливый, продувной (Садилов Нарумов, с. 232); 3) шулер, ловкач, пройдоха, шельмец (Лярус, с. 293); 4) бука (Кельин, с. 273); 5) рогоносец, муж неверной жены (Portabella, с. 194)
6.	Курица Gallina	1) Блюдо, мясо курицы или петуха (Ушаков, т. II, с. 176).	1) Трус, трусиха, заячья душа Садилов Нарумов, с. 372); 2) трус, безвольный человек, «мокрая курица» (Кельин, с. 441).
7.	Ласточка Golondrina (ж.р.)	1) Вестник весны (Ушаков, т. II, с. 192); 2) ласковое обращение к женщине (Ушаков, т. II, с. 192); 3) гимнастическая фигура (Евгеньева, II, с. 165).	1) <i>Исп.</i> Пассажирский катер, речной трамвай (Садилов, с. 379); 2) <i>Ч.</i> фургон для перевозки мебели (Фирсова, с. 338).
8.	Лебедь Cisne	1) <i>Нар.- поэт.</i> Мифологический и поэтический образ красавицы-женщины (Ушаков, т. I, с. 201); 2) <i>нар. - поэт.</i> ласковое название девушки, женщины (Евгеньева, II, с. 167);	1) Великий поэт (Лярус, с. 235); 2) пиит, песнопевец; любимец муз; 3) <i>арго</i> проститутка; 4) свитер-водолазка (Садилов, с. 185); 1) пуховка для пудры (Кельин, с. 222); 2) <i>Вен.</i> масть лошади – каурый (Фирсова, с. 164)

9.	Орёл Aguila	1) Представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства (Даль, II, с. 690); 2) о гордом, смелом, выдающемся человеке (Ожегов, с. 447)	1) Тунеядец, дармояд, лентяй [5, с. 371]; 2) хищный; 3) умнейший человек (Садииков, с. 67); 4) полковой штандарт; 5) человек выдающегося ума и проницательности; герой (Кельин, с. 46)
	Орленок Aguilucho		Арго. Соучастник кражи (Нарумов, с. 41)
10.	Петух Gallo	1) Ярко одевающийся; 2) забияка; 3) задорный человек (Ожегов, с. 506).	1) Заводила, верховод; 2) фальшивая нота (Садииков, с. 372); 3) разг. плевок; 4) Мекс. подержанная вещь; 5) К.-Р. скудная еда; 6) Ам. силач; смельчак; 7) Чили пожарная машина; 8) Ант. о-ва, Кол. волан (игрушка); 9) Сальв. клитор.
11.	Попугай Loro	1) О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения (Ожегов, с. 552).	1) Некрасивая старая женщина (Лярус, с. 636); 2) пугало, чучело (о старой, ярко накрашенной женщине) (Нарумов, с. 478); 3) дурнушка, уродка, фефёла (Садииков, с. 452).
	Perico (длинно-хвостый попугай)		1) Болтливый; говорливый, разговорчивый; 2) пьяный, пьяница; 3) уст. шиньон; 4) большой веер; 5) крупная спаржа; 6) ночной горшок (Нарумов, с. 573)
	Paraayo		Доносчик; стукач (Нарумов, с. 560)
12.	Птица Pájaro; Ave	1) Разг., ирон. о человеке с т. зр. его общественного значения (Евгеньева, III, с. 554).	1) Хитрый, осторожный человек (Лярус, с. 755); 2) хитрец, подозрительная личность (Кельин, с. 635); 3) пенис (DRAE).
	Pájara	2) Птичка – пометка в виде двух черточек, образующих острый угол книзу (Ожегов, с. 622).	1) Анд. куропатка (самка) 2) бумажный змей 3) бумажный голубь 4) шельма, проныра, продувная bestия (о женщине) (Нарумов, с. 550).

В таблице №1 представлены лишь указанные в словарях, кодифицированные переносные значения. Один русский орнитоним может переводиться на испанский язык двумя и более лексемами. Такие слова, как 'филин', 'синица' или 'ворона' не имеют родовых коррелятов по типу волк-волчица. В испанском языке категория рода играет большую смысловозначительную роль, а родовые корреляции имеют более обязательный и регулярный ха-

рактер. В результате одному русскому орнитониму соответствуют два испанских: сова – *lechuza* и *lechuzo* (самка и самец); цыпленок – *polla* и *pollo*; ласточка – *golondrina* и *golondrino*, птица – *rájaro* и *rájara*.

Приведем наименования птиц, которые не дают никаких вторичных значений в русском языке, образуя метафорическую лакуну, но активно и разнообразно используются в переносном смысле в испанском языке.

Таблица № 2

Испанские орнитонимы, обнаруживающие лакунарность в сфере переносной семантики при переводе на русский язык

Дрозд (черный) Mirlo	1) Разг. Важность, напускная серьезность, горделиво-надменный вид (Нарумов, с. 508); 2) хитрец, ловкач; 3) наглое поведение (DRAE).
Zorzal	1) Хитрец, ловкач, пройдоха; 2) П.-Р. непоседа (о мальчике); 3) Бол., Чили, разг. дурак, простак.
Дрозд (певчий) Tordo músico	1) Серый, глупый, бестолковый (Нарумов, с. 749); 2) Ам. скворец (Фирсова, с. 568); 3) Арг., Ур. приспособленец, прилипала (там же); 4) Л. Ам. донжуан, ловелас.
Torda	Tordita – Вен. темнокожая уличная женщина.
Индюк Pavo	1) Разг. Тупой, безмозглый; 2) глупый, чванливый; 3) спесивый, надутый; 4) вялый, сонный; 5) пресный, нудный; тюфяк, клуша, рохля (Садиков, с. 535); 6) Ам. заяц в транспорте (Нарумов, с. 570); 7) игра в фанты (среди танцующих); 8) монета в пять песет (дура) (DRAE).
Индюшка Pava	1) Неуклюжая, некрасивая женщина (Кельин, с. 655); клуша, фефёла (Нарумов, с. 570); 2) Ам. широкополая соломенная шляпа (Кельин, с. 655); 3) металлический сосуд для разогревания воды (DRAE); 4) Ам. ночной горшок (Нарумов, с. 570); 5) дурочка (Садиков, с. 535)

Колибри Colibrí Picaflor	1) Ам. Воздыхатель, поклонник (Нарумов, с. 586); 2) влюбчивый; 3) дамский угодник (Лярус, с. 800).
Golondrino (птенец ласточки)	1) Бродяга, скиталец; человек, меняющий место жительства; 2) дезертир; 3) <i>арго</i> солдат, рядовой; 4) <i>мед.</i> фурункул подмышкой (Нарумов, с. 394).
Сова Lechuza	1) Женщина, похожая по характеру или поведению на сову (Лярус, с. 621); 2) ночной вор (Нарумов, с. 463); 3) проститутка (там же).
Lechuzo	1) Аферист (Кельин, с. 530); 2) сборщик налогов (Нарумов, с. 463); 3) человек, похожий на сову (Нарумов, с. 463).

Наименования птиц в сфере их переносной семантики ассоциируются в обеих лингвокультурах в основном с характерологическими качествами человека и чертами его внешнего облика. 60 рассмотренных нами испанских орнитонимов дают всего 99 вторичных значений. Из них 82 характеризуют человека, 11 относятся к миру конкретных вещей (механизмов, предметов одежды) и 6 – к сфере абстрактных явлений. Среди абстракций отметим слова *mirlo/дрозд* в значении ‘важность, напускная серьезность, надменно-горделивый вид’ и *tochuelo/сын* – в значении «трудная, нудная работа». К конкретике вещественного мира относятся орнитонимы *golondrina/ласточка* – катер, *cisne/лебедь* – свитер-водолазка, пуховка для пудры. Общим для русского и испанского языков является вторичное значение существительного *gallo/petyx* – фальшивый голос.

Лексема *petyx* – *gallo* входит в группу слов испанского языка, употребляющихся в фамильярно-бытовом регистре общения в фатической функции:

«- ¿Qué quieres, *gallo*?» (J. L.Vilallonga. Fiesta). «Чего тебе, *petyx*?» – формула абсолютно немислимая в диалоге носителей русского языка, если только не преследуется цель нанести оскорбление. К детям также часто обращаются *gallitos (petyшки)* – ‘драчунишки’. В русском речевом обиходе такие именованья воспринимаются как обидные из-за сильного влияния на современный «языковой вкус эпохи» (Костомаров, 1999) тюремного жаргона, где за этим орнитонимом закрепилось значение ‘пассивный гомосексуалист’: «...Швейк между тем с интересом рассматривал надписи, нацарапанные на стенах. В одной из надписей какой-то арестант объявлял полиции войну не на живот, а на смерть... Другой арестованный написал: “Ну вас к черту, *petyхи!*” (Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка). Спроси обитателя нынешних российских мест лишения свободы, кого имел в виду неведомый арестант под словом «*petyхи*», он сходу ответит: конечно же, пассивных педерастов! Именно их называют у нас

в тюрьмах и колониях “петухами”. Но вот в Чехии “петухами” обзывали полицейских - те носили каски с петушиными перьями!» (Фима Жиганец, Александр Сидоров).

В испанском языке *petux* символизирует борца, революционера, бесстрашного мачо. Но по сведениям фразеологического словаря он обладает плохой памятью: *tener memoria de gallo* – ‘иметь память петуха’ (ср. рус. *куриные мозги, память девичья*).

Особого внимания заслуживает *grajo/грач*, означающий ‘запах пота’, да к тому же еще и насекомое – таракан. Испанский грач, в противоположность русскому грачу – символу весны, пользуется самой незавидной славой: с его помощью идентифицируются мерзкие запахи, отвратительные насекомые, врождённое уродство и безответственные болтуны. Анализируя фразеологизм ‘*más feo que un grajo*’ (более некрасивый (уродливый), чем грач), можно догадаться, что наш симпатичный грач у испанцев прославится эталоном уродства – его последней стадией. Именно *grajo/грачом*, из-за его надменного вида и менторского запелляционного тона, называют неформального священника: к служителям культа в черной рясе сложилось негативное отношение как к лицам, наживающимся на чужом горе, использующим веру людей в своих интересах, следовательно, окрашенным в темные (черные) тона. Данный пример свидетельствует о том, что вокруг орнитонима создается определенное семантическое пространство, когнитивное поле, проявляющееся в узусе. Не исключен и противоположный путь: уже существующие мощные когнитивные центры

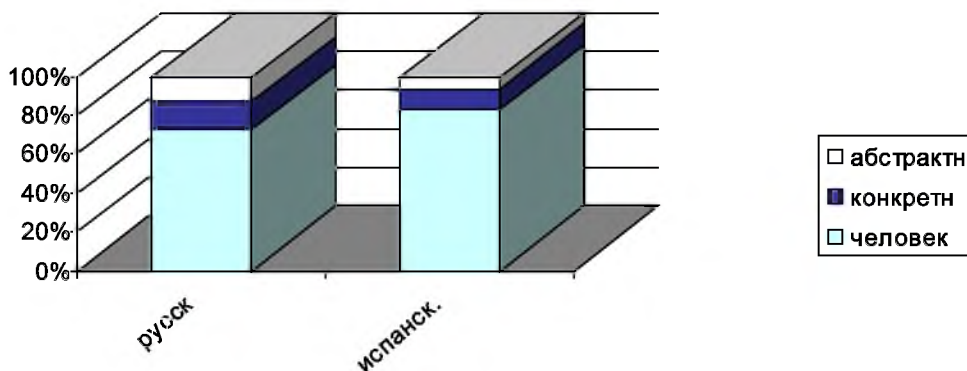
вербального мышления притягивают к себе мало-мальски подходящие слова. Чем сильнее поле, чем больше места занимает оно в умах и обиходе этноса, тем больше слов приспособливает язык для выражения нужных вербальному сознанию народа значений и оттенков смысла, выискивая в них ассоциации, на которых можно выстроить требующуюся семантику.

В обеих культурах наименования птиц описывают мир вещей (*утка* в русском языке и *ravo/индюк* в испанском – медицинское судно; *журавль* – колодец в русском языке); номинируют устаревающие сегодня, в компьютерную эру, названия игр и танцев (*ворон, коршун* – *детские игры по В. Дальютину* «Гуси-гуси – га-га-га!»); обозначают время года или суток (*с петухами встают в России, с курами ложатся спать в Испании / se acuesta uno con las gallinas /*). *Gavilán/ястреб* – это ‘закорючка, росчерк’, что частично соответствует русскому *галочка, птичка* в значении ‘помета’; но еще и – ‘вор’; ‘шулер’; ‘ручка шпаги’; ‘медицинская повязка на глаза’. Последние два значения обусловлены метафорическим переносом, идущим от формы раскинутых крыльев ястреба.

В испанском языке абстрактным сущностям (например, *утка* – ложные слухи) уделено несколько меньше места, чем в русском, а конкретным, часто в травестийной форме, – больше. Так, именем птицы называют фурункулы подмышкой – птенец *ласточки/golon-drino*, а мозоль на пальце ноги – *цыпленок/pollo*. В русском языке на уровне словаря человек характеризуется с помощью орнитонимов менее разнообразно, чем в испанском. Наблюдаются

взаимные лакуны: *ворона* не используется в переносном смысле в испанском языке, *пустельга* (птица типа небольшого сокола) – орнитоним, мало известный в русском, но отягощенный переносными значениями и коннота-

циями в испанском. Итак, большинство переносных значений орнитонимов связаны с человеком: 80% в испанском языке и 73% в русском, что видно на диаграмме:

Номинант птица используется для вербализации параметров практически всех сфер деятельности человека – и духовно-ментальных, и обиходно-практических. Изучение этнокультурного своеобразия вербализации абстрактных категорий помогает обнаружить скрытые связи между духовным миром человека и различными феноменами окружающей действительности.

Ни в одном из словарей, использованных в нашей работе, нам не удалось найти переносных значений или каких-либо семантических помет относительно таких важных, насыщенных символикой и широко известных орнитонимов, как аист, воробей, ворон, дятел, куропатка, перепел, цапля, чайка. Это поразительно, ведь все они – бесспорные носители мифов и символов. Они активно используются в переносных значениях в обиходной речи. Как объяснить тот факт, что их переносные значения никак не зафиксированы в толковых и двуязыч-

ных словарях? Причина, возможно, кроется и в принципиально лингвокультурологической позиции составителей, и в некоторой размытости и амбивалентности их переносных смыслов, а также в общем естественном отставании словарей по отношению к узусу. Значения, указанные в словаре (зяблик – знобуша; пигалица – худой человек, петух – ярко одевающийся человек, кукушка – пустое, неуместное слово), постепенно уходят из речевого обихода. Некоторые весьма узуальные значения (аист – птица, приносящая детей) в словаре не указаны.

Словарные соответствия между орнитонимами двух языков характеризуются неточностью, расплывчатостью границ, не совпадая по семантическому объему. Номинативная сетка по-разному охватывает мир птиц в русском и испанском языках. Сама лексема птица переводится на испанский двумя словами *rájaro* и *ave*.

Весьма узуальный в испанском языке орнитоним *pollo* имеет два соот-

ветствия в русском языке: цыпленок и птенец. Русский орнитоним чибис коррелирует с тремя испанскими: avefría, frailecillo, quincineta, а за испанским pinzón закреплены русские эквиваленты зяблик, юрок, снегирь, дубонос. Заимствованию попугай найдется ряд соответствий в испанском языке: loro, paragaño, perico, cacatúa (какаду). Русскому орнитониму дрозд соответствуют в испанском языке лексемы: черный дрозд – azabache, mirlo, sinsonte, zorzal sinsonte; певчий дрозд – tordo músico.

Разветвленность парадигмы некоторых орнитонимов в испанском языке и ее отсутствие в русском обусловлено экстралингвистическими факторами: распространенностью и обиходной важностью данной птицы в одной культуре и незначительностью в другой.

Неясности прослеживаются не только на уровне лексикографических дефиниций, но и на уровне словарных помет, соответствующих орнитонимам. Так, об орле В.И. Даль пишет, что он представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства. Русско-испанский словарь Садикова и Нарумова ограничивается пометой: также перен. Ясно: этот орнитоним используется в переносном значении, подобном русскому. Возникает закономерный вопрос: в абсолютно таком же, как в русском языке? Но все-таки в каком именно, каковы его оттенки? На эти вопросы словарь ответа не дает, ставя знак равенства между переносными семами этого слова в русском и испанском языках, что не совсем верно, потому что абсолютная межъязыковая семан-

тическая идентичность невозможна в сфере вторичных значений. При всей важности орла для русской лингвокультуры, его участие во фразеологических оборотах незначительно. Наше предположение о том, что чем больше переносных значений у орнитонима, тем активнее он занят во фразеологии, не оправдалось. Здесь нет прямо пропорциональной зависимости.

Орёл – символ отваги для многих народов. Но в Латинской Америке чаще наделяют эту лексему значением ‘хитрец’ [5, с. 368], вытекающим из семы ‘зоркий, прозорливый’. Любое качество (зд. – отличное зрение) может быть переосмыслено как позитивно, так и негативно, но, попав в концептуальное поле человека, оно редко минует оценки.

Сфера переносных значений в семантике орнитонимов непрерывно расширяется. Данные о появлении новых значений имеются на Интернет-сайтах. Так, на <http://guapisima.livejournal.com> указаны семы орнитонимов, узуальные в испанской разговорной речи. Например:

1) búho (филин) – autobús nocturno (ночной автобус), т.к. глаза (фары) светятся в темноте;

2) buitре (стервятник) – aprovechado у gorrón (ловкий, оборотистый, эгоистичный); т.к. заметив жертву, легко и быстро расправляется с ней;

3) cacatúa (какаду) – mujer fea, vieja у de aspecto estafalarío (некрасивая, неряшливая, взбалмошная женщина), т.к. имеет огромный клюв (нос);

4) ganso (гусь) – haragán, gandul (лентяй); у него неуклюжая походка из-за коротких лап, он мало двигается, т.к. его откармливают для жира;

5) *grajo* (грач) – *sacerdote* (священник), т.к. его оперение – черное;

6) *loro* (попугай) – *transistor*, *radiocassette* (транзистор, кассетник, плэйер), т.к. постоянно что-то говорит, бормочет;

7) *rájaro* (птица) – *persona poco fiable* (человек, которому нельзя доверять), т.к. в любой момент может улететь, скрыться из поля зрения;

8) *pavo* (индюк) – *adolescente* (подросток), т.к. легко краснеет.

Сфера переносных значений орнитонимов больше задействует лиц мужского пола, чем женского. И в русском, и в испанском языке женщина характеризуется в основном по таким позициям: болтливость; глупость (*сорока*, *кураца*, *pava*); красота; миролюбие (*ласточка*, *голубка*). В испанском сюда прибавляется еще и квалификация проститутки (*grulla*/журавль, *gaviota*/чайка, *cisne*/лебедь, *lechuza*/сова, *torda*/самка дрозда), что свидетельствует об особой важности полового аспекта в жизни носителей испанского языка и о потребности осудить нравственную нечистоплотность. Спектр значений, в которых функционируют орнитонимы относительно мужчин, намного шире. Мужчины весьма разнообразно характеризуются по: - деятельности: бродяга, скиталец, солдат-дезертир (*golondrino*); дамский угодник, ухажер (*picaflores* / колибри); сборщик налогов (*lechuzo*/сова м.р.); доносчик (*búho*/филин); сплетник (*abejarruco*/пчелоед); певец, поэт (*cisne*/лебедь); боец (*gallo*/петух), вор (*gavilán*/ястреб); безбилетный пассажир (*pavo*/индюк, *pato*/утка) - чертам характера: хи-

трый (*zorzal*/дрозд), проныра, ловкач (*tordo*/дрозд), вялый (*pavo*/индюк), трус (*gallina*/кураца), лентяй (*ganso*/гусь), невежа, хам (*cernícalo*/пустельга), смелый (*gallo*/петух), нелюдим, отшельник (*búho*/филин), стяжатель (*buitre*/стервятник); продувная bestия (*pollo*/цыпленок). С помощью птичьих номинаций классифицируют людей и по свойствам интеллекта: умный, прозорливый (*águila*/орел), глупый (*pavo*/индюк, *ganso*/гусь). Самый внушительный ряд орнитонимов иллюстрирует понятие «глупый». В испанском языке с концептом глупости ассоциируются *ave zozna* и *ave tonta* (овсянка), *avefría* (чибис, пигалица), *avestruz* (страус), *chocha* (вальдшнеп), *chorlito* (кулик), *ganso* (гусь), *pavo* (индюк), *pato* (утка), *urogallo* (глухарь), *rájaro* (птица). В русском языке переносным значением 'глупый' наделено меньше птиц: курица, гусь, дятел [1].

Широта арсенала «мужских» значений обусловлена исторически более активной социальной ролью мужчин.

Между русским и испанским народами много общего, и в трактовке поведения птиц наблюдается немало совпадений – полных или частичных. Общность поддерживается воздействием одних и тех же источников (латынь, Библия), масс-медийных средств, активно использующих орнитонимическую фразеологию, кочующую из языка в язык.

Толковый словарь русского языка Д.Ушакова приводит несколько фразеологических оборотов с компонентом ворона. Все они в русском языке оценивают человека деспективно, ирони-

чески и пренебрежительно. Наблюдается некий семантический круговорот: обладая определенными коннотациями, лексема попадает во фразеологизм; живя в нем, приобретает семантические приращения и возвращается из него в речь как самостоятельная единица с обновленной семантикой. На испанский язык белая ворона переводится как *mirlo blanco* (белый черный дрозд). На первый взгляд, эти два предложения можно рассматривать как полностью эквивалентные. Однако между ними – аксиологическая дистанция огромного размера. Разница не только в том, какая птица выбрана в качестве стержневого образа. Здесь кроется когнитивно-прагматическое несоответствие. Оно заключается в том, что фразеологизм белая ворона в русской лингвокультуре содержит отрицательные коннотации. Обычно с помощью этого оборота говорящий стремится осудить не вписывающегося в общепринятые каноны «нарушителя спокойствия», пренебрегающего социальными устоями, не так, как положено по этикету, не так, как надо, одетого, или не так, как положено, мыслящего. Белой вороной считало Чацкого в фамусовское общество. То есть для русского языкового сознания нужно быть чёрным, если все – чёрные (вспомним знаменитый монолог Аркадия Райкина «Я, как и все мои товарищи...», а также пушкинское «и лишь посредственность одна нам по плечу и не странна»). *Mirlo blanco* в испанском языке – это комплимент, похвала, а не порицание! Так называют человека, превзошедшего своим трудом, своей фантазией, своей оригинальностью, своими личными ка-

чествами всех остальных. Позитивность коннотации подтверждается поговоркой *Amigo leal y franco, mirlo blanco* / Верный и надёжный друг – это белый дрозд (т.е. большая редкость и большая удача в жизни). Приведем пример употребления фразеологизма *mirlo blanco* из испанской газеты Эль Паис. Речь идет о неинтересной, пресной корриде – бое быков: “La tarde fue toda una ilusión frustrada. <...> No es una sorpresa, pero sí una nueva frustración ante la imposibilidad manifiesta de que aparezca un mirlo blanco entre tanto toro basura”. Перевод: «Вечер был сплошным обманом ожиданий. <...>. Это не было сюрпризом, но было еще одним разочарованием из-за явной невозможности появления белого дрозда среди стольких негодных быков» (Перевод наш – М.К.) [7].

Русский человек переживает и испытывает дискомфорт, если обнаруживается, что он выбивается какими-то качествами из общей массы и выглядит не так, как все. Стая преследует белую ворону и изгоняет её, обрекая на гибель. На Руси быть изгнанным из крестьянской общины означало смерть. Поэтому русская белая ворона и испанский *mirlo blanco* (белый дрозд) – ложные друзья семантической эквивалентности, ведь быть белой вороной – это плохо, предосудительно и не очень разумно, а быть *mirlo blanco* – это похвально и даже почетно. Псевдоэквиваленты вдруг обнаружили аксиологическую противоположность и межъязыковую энантиосемию. С точки зрения носителя испанского языка, не надо быть серым или чёрным, если все вокруг –

серы и черны, стоит всё-таки попробовать стать белым!

Приведенный нами пример показывает, что семантику многих фразеологизмов обоих языков необходимо интерпретировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности нации, т.е. в терминах национально-культурной специфики вербального мышления и культуры. Фразеологический образ, благодаря его идеоматичности, можно рассматривать как национальный когнитивный маркер, представляющий собой основную, конституирующую, неотъемлемую часть языковой картины мира, её самобытный системообразующий конституент.

Компонент птица (*rájaro* и *ave*) – чемпион по количеству образованных с ним фразеологизмов в испанском языке. Вот некоторые соответствия: *rájaro gordo* (букв.: толстая птица) – ‘важная птица’, ‘важная персона’, ‘большая шишка’; *rájaro raro* – ‘странный человек’ – с деспективной коннотацией, в буквальном переводе – ‘редкая птица’; *ave de paso* – ‘залетная птица, залетный гость’ *cantó el rájaro* (букв.: запела птица) – ‘заговорил-таки, признался, раскололся’; *Es un rájaro malo de desplumar* – букв.: Эта птица не подходит для ощипывания – ‘Он человек осторожный, он не так-то прост, его на мякине не проведёшь, его голыми руками не возьмёшь’ и др. Фразеологизм *rájaro de cuenta* развил энантиосемию: 1) ‘темная лошадка, подозрительный человек’; 2) ‘почтенная личность’. Здесь птица выступает в значении ‘индивид’.

Лексема *rájaros* (мн.ч.) довольно часто выступает в значении ‘глупости, дурные мысли, ненужные фантазии’. Оборот ‘*llenar la cabeza de rájaros*’, а также ‘*meterle a uno rájaros en la cabeza*’ (букв.: наполнить голову птицами) приобретает значение ‘дурно, пагубно влиять’. Этот фразеологизм продуктивен, ему присуща вариативность значений: «... *tú al principio no eras así, que han sido el don Nicolás ese y su cuadrilla los que te han llenado la cabeza de rájaros*» [6, p. 198]. Перевод: «Вначале ты не был таким, это дон Николас и его компания задумали тебе голову».

Богатая фантазия испаноязычных народов продолжает смело экспериментировать со словом *rájaro*, создавая новые паремии, причём не без чувства юмора. Пожалуй, самый известный и продуктивный фразеологизм со словом *rájaro* в испанском языке – это *Más vale rájaro en mano que ciento volando* (букв.: Птица в руке дороже ста летящих или Лучше птица в руке, чем сто в небе. Русский эквивалент – Синица в руке дороже журавля в небе; Лучше синицу в руке, чем журавля в небе). Нам удалось разыскать такие трансформации этой сентенции: *Más vale rájaro en mano que elefante al hombro* (букв.: Лучше птица в руке, чем слон на плече), а также модификации-шутки *Más vale rájaro en mano que buitre volando* (букв.: Лучше птица в руке, чем стервятник в небе) и *Más vale rájaro en mano que enfermedad venérea*. Дословно: «Лучше птица в руке, чем венерическое заболевание», где птица в руке – намек на онанизм (птица приобретает значение ‘мужской половой орган’). Это значение восходит к фал-

лическим символам, воплощенным в орнитонимической лексике Древнего Рима.

Прагматическое воздействие речи обусловлено особенностями национально-культурного метафорически-образного переосмысления семантики конституирующих ее слов. С точки зрения ассоциативности, фигуральности и аллегоричности, наименования птиц, как в русской, так и в испанской лингвокультуре, являются семасиологически насыщенными и избыточными по сравнению с другими пластами лексики. Хотя метафорические краски крайне неравномерно распределены по орнитонимической лексике обоих языков, именно в семантическом поле наименований птиц легко и обильно развивается метафоричность и символизм при выражении сохранении в их семантике мифологических реминисценций.

Литература:

1. Гусев Л.Ю. Орнитонимы в фольклорном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1996. 245 с.

2. Дехнич О.В. Концептуальная метафора People are trees в современном английском языке URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-metafora-people-are-trees-v-sovremennom-angliiskom-yazyke#ixzz32BZtbDNY> (дата обращения: 16.05.2014).

3. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37 – 48.

4. Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий

испанского языка. Дисс. канд. филол. наук по специальности 10.20.05. Воронеж 2005. 184 с.

5. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки): дис. ... докт. филол. наук. М.: 1997. 393 с.

6. Delibes M. Cinco horas con Mario. М.: Editorial Progreso, 1979. 280 p.

7. Lorca A. El precio de la ambición. El Pais. 11. 05. 2013. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2013/05/10/actualidad/1368216121_243012.html (дата обращения: 12.05.2014).

8. Roque Maria-Àngels. Las aves, metáfora del alma. Instituto Europeo del Mediterráneo URL: http://www.iemed.org/publicacions/quaderns/12/Las_aves_metafora_del_alma_Maria-Angels_Roque.pdf (дата обращения: 14.05.2014).

References:

1. Gusev L.Yu. Ornitonimy v folklorom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. [Ornithonyms in the Text of Folklore: PhD Thesis in Philology]. Kursk, 1996. 245 p.

2. Dehnich O.V. Konceptualnaya metafora "people are trees" v sovremennom anglijskom yazyke [Conceptual Metaphor People are Trees in Modern Russian]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-metafora-people-are-trees-v-sovremennom-angliiskom-yazyke#ixzz32bztbdny> (accessed May 16, 2014).

3. Dobrovolskij D.O. Nacionalno-kulturnaya Specifika vo Frazеologii // Voprosy yazykoznanija [National and Cultural Characteristics in Phraseology // Issues of Linguistics]. 1997. № 6. pp. 37-48.

4. Kamenskaya V.M. Aksiologicheskii aspekt ustoychivyh zoomorfnyh sravneniy i zoomorfnyh paremiy ispanskogo yazyka. diss. kand. filol. nauk po specialnosti 10.20.05. [The Axiological Aspect of Settled Zoomorphic Paremiæ in the Spanish Language. PhD Thesis in Philology, specialty 10.20.05]. Voronezh 2005. 184 p.

5. Pisanova T.V. Nacional'no-kul'turny'e aspekty ocenочноy semantiki (esteticheskie i eticheskie ocenki): dis. ... dokt. filol. nauk. [National and Cultural Aspects of Evaluative Semantics (Aesthetic and Ethic Values): Doctoral Thesis in Philology]. M.: 1997. 393 p.

6. Delibes M. Cinco horas con Mario. M.: Editorial Progreso, 1979. 280 p.

7. Lorca A. El precio de la ambición. El Pais. 11. 05. 2013. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2013/05/10/actualidad/1368216121_243012.html (accessed May 12, 2014).

8. Roque Maria-Àngels. Las aves, metáfora del alma. Instituto europeo del mediterráneo. URL: http://www.iemed.org/publicacions/quaderns/12/las_aves_metafora_del_alma_maria-angels_roque.pdf (accessed May 14, 2014).

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ:**
КУТЬЕВА
Марина Викторовна
*кандидат филологических наук,
доцент*

 Российский университет
дружбы народов
117198 Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д.6,
Россия

E-mail: Marku2006@yandex.ru
**DATA ABOUT
THE AUTHORS:**
Marina V. Kutieva
*PhD in Philology,
Associate Professor*

 People's Friendship University
of Russia
6 Miklukho-Maklaya St.,
Moscow 117198,
Russia

E-mail: Marku2006@yandex.ru